

АТАЛЫЧЕСТВО В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

*Болурова Аминат Ниязбиевна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Карачаево-Черкесский государственный университет
имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск, Россия*

Аннотация. В данной статье говорится о роли аталычества в системе народного воспитания у карачаевцев и балкарцев. Подчеркивается что в XIX начале XX вв. оно было распространено главным образом в княжеско-дворянской среде. И если допустить, что в основе аталычества генетически связано с авукулатом, групповым браком или народными суевериями, то впоследствии оно, безусловно, опиралось на классовые вассально-сюверенные начала, получившие распространение у многих народов средневековья. Это была одна из форм социальных связей между классом имущих и зависимых сословий.

Annotation. The article deals with the role of atalyk in the system of national education of Karachai and Balkar people. It is emphasized that in the XIX early XX centuries. it was distributed mainly in the princely-noble environment. And if we assume that the basis of atalychestvo genetically associated with avukulatom, group marriage or popular superstitions, then later it is certainly based on the class vassal-suverennye principle, widespread among many peoples of the middle ages. It was one of the forms of social relations between the class of the propertied and the dependent estates.

Ключевые слова: аталычество, общественный быт, сословия, исследование, родители, карачаево-балкарцы, воспитанник, этнос

Keywords: atalychestvo, social life, estates, research, parents, Karachay-Balkars, pupil, ethnos

---

В конце XVIII – первой половине XIX вв. карачаевцы и балкарцы переживали самый сложный период своей истории. Именно в это время они окончательно теряют свою независимость, катастрофически сокращаются их территория и численность, разрушаются все отрасли хозяйства. Приходит в упадок общественный быт. Однако проблема кризиса общественного быта не стала предметом специального исследования, и по этой причине заключительная фаза социальной и культурной истории Карачая и Балкарии во многом остается неизученной. Этим прежде всего объясняется актуальность данной темы.

Аталычеством в кавказоведческой литературе именуется порядок, сущность которого состоит в том, что ребенок вскоре после рождения переходит на некоторое, более или менее продолжительное время в другую семью, а затем возвращается к своим родителям [1, с. 67].

Название этого института происходит от тюркского слова «ата» «аталык» - отец и означает отцовство. Этот обычай уходит своими корнями в первобытнообщинный строй.

Исследования известных этнографов и историков свидетельствует о том, что этот древний обычай, возможно, зародившийся в родовом обществе, со временем превратился в социальный институт к для феодального общества, которое умело его использовало своих интересах, как и множество других общественных элементов патриархально-родового строя, так долго уживавшихся с бытом горцев Кавказа.

Существующие показания о кавказском аталычестве говорят о том, что тогда как в прошлом этот обычай практиковался всеми общественными слоями с течением времени он оказался более устойчиво сохраняющимся в среде господствующих сословий - князей и дворян, в крестьянской среде он изживался. При этом тогда, как в пошлом господствующие сословия отдавали детей на воспитание в своей среде, т.е. в семье равного им сословия, позже аталычество приобрело сословный характер в том, что дети господствующих сословий отдавались на воспитание в семье зависимых сословий. В такой именно форме аталычество у некоторых народов Кавказа и сохранялись наиболее стойко [6, с.69].

У карачаево-балкарцев аталычество в XIX в. также было распространено главным образом в феодальной среде, причем практиковалось часто, в отношении мальчиков и очень редко девочек. В крестьянской среде аталычество также имело место, но составляло крайнюю редкость. У крестьян ребенок обычно отдавался на воспитание своему материнскому дяде, причем при условии, что семья ребенка была беднее, чем семья дяди.

Ребенок, родившийся в семье князей, передавался на воспитание кому-либо из кара-узденей, а в отдельных случаях даже азатов (вольнотпущенных). С аталычеством был связан ряд установлений. Воспитатель - аталык муж и его жена (эмчекь ана), кормившая ребенка грудью, всегда принадлежали (как уже выше отмечалось) к более низкой, чем семья ребенка, ступени на социальной лестнице. Для них взять воспитанника - значило приобрести в будущем влиятельного покровителя [2, с. 89].

Если во время беременности княгини одна или даже несколько семей заявляли о своем желании взять будущего ребенка. После имя наречения ребенка будущие приемные родители со специально приготовленным угощением и оседланной лошастью шли к дому князя, поздравляли его с сыном или дочерью и просили отдать им ребенка на воспитание. В случае согласия бабушка ребенка по отцовской линии вручала младенца будущей

приемной матери. Воспитанника мальчика называли эмчек улан или эмчек джаш, девочку-эмчек кыыз, а получившего уже воспитание - эмикдеш.

Родители не должны были навещать своего ребенка и вмешиваться в его воспитание в новом доме. По достижении ребенком одного года устраивался праздник показа его жителям селения или поселка, которые его одаривали. А через некоторое время устраивали праздник в честь первого шага, выявляли склонности воспитанника, раскладывая перед ним различные предметы от книги до чабур – и наблюдали, что его больше привлекает. Отсюда делали вывод, кем он будет, когда вырастет.

Если в более отдаленные времена обычай аталычества был связан с воспитанием хорошего тона, поведения, то в XIX в. добавилось и стремление феодальной верхушки избавить своих жен от лишней физической нагрузки. Кроме того, по мнению Абаева М аталычество было основано на обычае или, правильнее, на понятии, по которому для жен таубиев считалось стыдом кормить своих детей грудью своей и с первого же дня рождения детей отдавали на воспитание - кормление в дом своих подчиненных, где имелись женщины с новорожденными детьми [3, с. 76]. Существование аталычества среди таубиев и крестьян зафиксировано также в адатах балкарцев и карачевцев: «Старшины, каракиши не воспитывают детей сами, а отдают их аталыку или кормилице. Таким образом, в рассматриваемый период, обычай аталычества продолжал практиковаться большей частью в среде господствующих сословий - князей и узденей.

Некоторое распространение имела на Кавказе отдача детей на воспитание в семьи других народов, что, опять же практиковалось видимо, только высшими сословиями. Это в немалой степени способствовало зачастую прекращению вражды или созданию феодальных союзов. М. Абаев правильно отмечал, что воспитывали детей балкарских таубиев также кабардинские и осетинские феодалы, в свою очередь балкарские таубии и карачаевские бии являлись аталыками своих сюзеренов - кабардинских князей, вассалами которых они являлись. Например, Алиев Тогузак воспитывал детей Атажукиных, Дудовы имели эмчеков в Сванетии. У Угаровых (Дадешкелиани). Даже некоторые балкарские крестьяне были аталыками кабардинских князей. Так, Геккиевы являлись аталыками князей Атажукиных [10, с.91].

Показания об аталычестве неизменно говорят об отдаче детей как об акте со стороны родителей совершенно добровольном. Нигде не упоминалось о естественном казалось бы, в данном случае протесте матери ребенка.

С другой стороны, получение ребенка на воспитание имело нередко характер домогательства либо даже связывалось с приписыванием себе права на получение ребенка.

Более того, практика аталычества знала и насильственную форму, а именно, похищение ребенка. Ребенка похищали, а на следующий день похититель объявлял себя аталыком похищенного. Бывало и так, что и кровники буквально выкрадывали ребенка, чтобы возникшее аталыческое родство положило конец кровопролитию.

В большинстве же случаев князья и уздени сами выбирали аталыков для детей из своих вассалов. Воспитатели должны были иметь хорошую репутацию, знать народные и военные обычаи, а хозяйка в доме воспитателя должна быть хорошей, строгой и умной матерью, экономной домохозяйкой и т.д.[4, с. 102]. Эти обычаи, в общем-то, были взаимовыгодны. Вышестоящий феодал, передавая ребенка на воспитание нижестоящему феодалу и лишь иногда крестьянину, а тем самым, роднясь с ним, расширял круг своих приверженцев, преданных его дому людей. Аталычество помогало ему еще больше укрепить свое влияние, могущество, власть. Иногда, жители целого селения, общества считали себя аталыками воспитанного между ними ребенка знатной фамилии. Со своей стороны воспитатель приобретал в лице воспитанника и его родни могущественного покровителя. Кроме того, обычай играл известную роль и для приобретения аталыком знатности и известного положения. Таким образом, по мнению многих ученых - С.С. Киржинов, Б.П. Невская К.Н. Студенецкая и И.М. Шаманов, аталычество в эпоху феодализма приобретало окраску феодализма и строилось на основе взаимной выгоды [13, с. 104]. Воспитанник находился в доме аталыка в течении ряда лет. Срок до которого ребенок отдавался, определяется в существующих показаниях чаще всего выражением «до совершеннолетия», что у народов Кавказа соответствует примерно 8-13 годам, но чаще этот срок до 17-18 лет, «до женитьбы». Девушек отдавали до 12-13 лет или же к моменту замужества. Все заботы и тяготы воспитания ложились на семью аталыка. Обучением ребенка-мальчика после трех лет занимался аталык. С шести - семилетнего возраста его начинали приучать к труду, что делали очень осторожно, не перегружая и, постоянно следя, чтобы ничего не случилось [12, с.132]. Аталык учил своего питомца всему что должен был знать и уметь каждый молодой князь или дворянин: правилам поведения горскому этикету, верховой езде, стрельбе, физическим упражнениям, хозяйственным и другим навыкам. Воспитание девочки входило в обязанность жены аталыка. Она учила ее рукоделию - вышиванию, тканью сукна, различным женским работам и обязанностям будущей хозяйки, тонкостям этикета, приему гостей и т.д. Большое внимание уделялось туалету, хорошему знанию танцев и песен. Молочные братья и сестры были близки воспитаннику, но с первых дней перед ними он имел известные привилегии. Люлька его должна, было быть выше и наряднее, ее нельзя было качать ногой (как часто делали горянки), а только рукой. Воспитанника кормили раньше, чем своего ребенка, и давали ему правую грудь. Иногда даже для него складывали специальную колыбельную песню. По распространенному порядку родители отданного ребенка не должны были видаться с ним (как уже выше подчеркивалось) в течении всего времени его нахождения у аталыка, более того, не должны были справляться о нем и вообще обнаруживать какую-

либо заботу о нем. Даже выказать желание повидать своего ребенка считалось для отца непростительной слабостью. Даже при случайном свидании с сыном он не должен был подать вида, что знает его. Часто дети привязывались к аталыку больше, чем к своему отцу, который вследствие обычая, побеждал в себе естественное чувство природе, избегал видеть своих детей до их совершеннолетия, потому что родительская нежность признавалась «недостойной мужчины и воина». [8, с.90].

Еще находясь у аталыка, воспитанник был тяжело ранен в бою. Он попросил перед смертью хотя бы один раз показать ему родного отца. Сообщили отцу, и тот прибыл в дом, где лежал умирающий сын. По обычаю горцев сыну не полагалось ни лежать, ни сидеть в присутствии отца. Поэтому раненный встал при помощи друзей и встретил отца, как, надлежало, стоя. Он стоял, товарищи поддерживали его, а отец сидел и смотрел на умирающего сына. Однако не долго отец сидел, вставая он сказал: «Я не насмотрелся на своего несчастного сына, но все же я должен уйти, ибо стоять ему тяжело, а лечь при мне он не смеет» [9, с.94]. Эта легенда проливает свет на то, так проявлялся этот обычай практически у всех народов Северного Кавказа. В основе легенды вполне мог лежать действительный случай. Так же как у черкесов, карачаевцев и балкарцев отличало от многих других народов особенно глубокое и истинное почитание горских обычаев и беспрекословное следование им.

Возвращение воспитанника домой по истечении положенного срока обставлялось особым торжеством. Аталык снаряжал для воспитанника коня, седло и одежду, для девушки шили нарядный костюм. В доме аталыка устраивали праздник, в котором участвовали все члены тукума воспитателя, а иногда и все селение. Когда, воспитанник с сопровождавшими прибывал в дом отца, его встречали приближенные князю уздени и вводили его (или ее) в дом к родителям. Первой обнимала прибывшего мать, затем отец. Семья воспитанника также устраивала по этому случаю большие торжества, сопровождаемые скачками, танцами и т.д. Аталыка благодарили, семья воспитанника преподносила аталыку и его семье дорогие подарки (оружие, коня, скот, одежду, земельный участок, крепостных крестьян иногда) [5, с. 68]. Подарок аталыку назывался эмчеклик (грудное). Получивший эмчеклик нес по отношению к князю определенные повинности, так называемую эмчекскую подать.

Между семьями аталыка и эмчека устанавливались родственные связи. Молочные родственники и аталыки считались очень близкими родственниками, наравне с кровными родственниками. Родство по аталычеству считалось более тесным, чем кровное. Часто оно было двойным. Обычно аталык приглашал кормилицей свою родственницу (ею могла стать и его жена), и к родству по воспитанию добавлялось молочное родство (недаром у балкарцев и карачаевцев воспитанник назывался эмчек - грудь, сосок, в то время как у кабардинцев кьан - кровь) [13, с. 106]. Но и одно только длительное, нередко лет до 15-16, а то и до свадьбы, пребывание воспитанника в доме аталыка сближало его с новой семьей и вело к отчуждению от родной семьи имеется много сообщений о том, что в случае ссоры аталыка с отцом воспитанника последний принимал сторону аталыка. Но такие ссоры были редкостью, в норме родство по аталычеству связывало между собой не только две семьи, но и две фамильно-патриотические организации [7, с. 94].

Воспитанник, возвратившийся к своим родителям, сохранял и после того весьма близкие отношения со своим воспитателем, его семьей и всем его родом. Более того, отношения и связь с группой, в которой он воспитывался, считались выше, значительнее, чем отношения родственные, считались особо священными. Часто семье аталыка даже была для воспитанника роднее, ближе, чем его родная семья. Аталычество устанавливало связь воспитанника не только с семьей аталыка, но и со всем селением или со всей родственной группой, к которой та семья принадлежала, причем все члены этой группы считали себя аталыками данного воспитанника. У карачаевцев и балкарцев также как и многих других горских народов воспитанник и сыновья аталыка считались молочными братьями, одновременно их связывала и тесная дружба. У всех народов, знавших аталычество, воспитанник не мог вступить в брак, а кем-либо из семьи своего воспитателя. Кроме того, воспитанник был обязан защищать интересы того рода, в среде которого он воспитывался, должен был вступаться за обиду, нанесенную его воспитателям [11, с.67]. Безусловно, аталык стремился к тому, чтобы его воспитанник был под его влиянием. Связи установившиеся между воспитанником и семьей его воспитавшей не только не прерывались после окончания воспитания, но и расширялись, налагая на обе стороны различные права и обязанности. Аталык и его жена могли в любое время позвать своего воспитанника к себе домой и возложить на него заботу об их семье. Вообще в течение всей своей жизни воспитанник был привязан к семье своего аталыка, постоянно оказывал ей услуги. Женщина вскормившая своей грудью чужого ребенка, приобретала над ним такие права, которые не уступали родительским. «Воспитанник был обязан ничего не жалеть для своего аталыка и исполнять все его желания, вознаграждать своего воспитателя 9/10 добычи, которую он добыл, пока обучался у него» - отмечал П.С. Паллас [1, с. 105].

Согласно ряду показаний, аталык мог даже подыскивать своему воспитаннику невесту, участвовал в решении всех вопросов, касающихся его судьбы, в частности вопроса о женитьбе, а равно о погребении. Аталык настолько привязывался к своему воспитаннику, что в случае его смерти, он в течении года соблюдал траур также, как если бы это был его родной ребенок.

Воспитанница также до своего замужества повиновалась семье своего аталыка. При выходе ее замуж семья ее обязана была отдать семье аталыка часть полученного за нее калыма.

Таким образом, воспитанник или воспитанница всю жизнь являлись покровителями своих воспитателей и молочных родственников. Аталык, несмотря на более низком социальное положение до конца жизни мог сидеть при своем воспитаннике-князе, есть и пить вместе. На семьи родителей и воспитателей распространялись обязанности взаимопомощи в случае выплаты выкупа. Такое сложное переплетение отношений родства и феодальной зависимости сложилось в период разложения патриархальных отношений и развития феодального строя [7, с. 98]. Большие труды и расходы, понесенные семьей аталыка на воспитание, возмещались не только материально, сколько приобретением влиятельного покровителя. Последний же получал помощь в ведении хозяйства и укреплении своего феодального могущества.

В роли аталыков выступали уздени, в том числе довольно крупные, но многие из этих фамилий не входили в четыре основных къаума, а считались потомками пришельцев, тукумами более позднего происхождения. Для таких тукумов связать себя родственными узами с князьями было особенно важно.

По обычаю, аталык мог иметь только одного воспитанника, а знатный князь или дворянин несколько аталыков. В их число входил и тот, кто первый раз брил ему голову и хранил его волосы (чаще наблюдалось у адыгов.)

У балкарцев и карачаевцев аталычество сохранялось несколько дольше, чем у остальных народов. Так, если у кабардинцев обычай удерживался до крестьянской реформы, после которой случаи его были нечастыми, то у балкарцев, например, по утверждению Мусоса Абаева в начале нашего века оно «не успело еще и теперь выйти из моды окончательно» [2, с. 78].

Однако в рассматриваемое время институт аталычества сильно изменился. Срок воспитания стал сокращаться нередко до 3-7 лет. Церемония возвращения воспитанника домой стала изменяться, принимать более простые формы, терять свои архаические черты и т.д. Аталычество как одна из форм искусственного родства способствовал укреплению связей феодалов с влиятельной частью общества и использовалось как средство влияния на массы, упрочение социальной опоры.

Принято считать, что как ни устойчивы традиции, они не вечны. С изменяющимися условиями жизни рядом с ними появляются новации, нововведения. И как ни сопротивляются их появлению традиции, они либо под влиянием новаций обновляются сами, либо, в конце концов, уступают место новациям, которые с течением времени, в свою очередь, превращаются в традиции. Если бы этого не происходило, то не было бы и самого развития человеческой культуры.

Список литературы

1. Азаматов К.Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX веке. - Нальчик, 1968.
2. Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. - Черкесск, 1963.
3. Гарданов В.К. Культура и быт народов Северного Кавказа - М., 1968.
4. Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. - Нальчик, 1991.
5. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первый половине XIX веке. - Нальчик, 1994.
6. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. - Черкесск, 1978.
7. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. - М., 1961.
8. Кумыков Т.Х. Некоторые вопросы общественного быта народов Северного Кавказа в первой половине XIX века. - Нальчик, 1986.
9. Кючмезова М.Н. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. - Нальчик, 2003.
10. Лайпанов Х.О. К истории карачаевцев и балкарцев. - Черкесск, 1957.
11. Малкандуев Х.Х. Об общинных обрядах балкарцев и карачаевцев в XVI- первой половины XIX века. - Нальчик, 1988.
12. Мусукаев А.И. Традиционные общественные институты народов Северного Кавказа в период феодализма и первых этапов развития капиталистических отношений. Нальчик, 1990.
13. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1967.